

«Ты будешь артисткой, Соня!»

сейчас сидим в этой квартире на Поварской, страшно даже оглянуться назад. Сколько пройдено! В этом году сорок лет, как мы стали москвичами, но я своих корней не забываю.

— Бываете в Таганроге?

— Конечно, я ведь почетный гражданин города, и этим горжусь. К сожалению, там уже никого из родных не осталось, но я обожаю этот город. Когда-то Володя Высоцкий с Веней Смеховым посетили мои родные пенаты и оставили в театральном журнале следующую запись: «Там, где родился Высоковский и Чехов, гуляют сегодня Высоцкий и Смехов».

— До пана Зюзи был еще один чудак по прозвищу Люлек. А какова история этого персонажа?

— Люлек возник уже в Театре сатиры. Он вырос из маленькой миниатюры, а родом вообще из вытрезвителя. Что вы так на меня смотрите? Представьте, я там никогда не был. Выпить любил, но в известное заведение не попадал. А Люльком я свою жену Любу всегда называл. Как-то нафантазировал себе нетипичную ситуацию, будто попадаю я в вытрезвитель и звоню оттуда своему Люльку. Надо сказать, Люлек мой — вечный борец с «этим делом». Так что ситуация — близкая к жизненной. Потом я с номером вышел «в люди», то бишь на эстраду. Сейчас работаю над новым «Люльком», он и сегодня продолжает попадать в вытрезвитель. Тема-то вечная.

О Театре сатиры, где Высоковский проработал двадцать один год, он говорил уклончиво. «Мне понадобилось много времени, чтобы понять — Плучек не мой человек, а я не его». Высоковский ушел из театра сразу же после смерти Папанова и Миронова. Старый коллега по театру Михаил Державин вспомнил один забавный случай из театральной истории Высоковского: «Зиновий играл в спектакле «Тартюф», и у него был необыкновенно красивый костюм и роскошный парик с бубликами. Перед спектаклем разнесся слух, что в театре стали пропадать вещи. А Зиновию дочь как раз подарила огромные и дорогие часы «Сейко». Он решил не снимать их на сцене, чтобы не пропали. Когда прозвенел звонок, он бросился с третьего этажа вниз по лестнице со скоростью пули. И, к несчастью, по дороге на сцену зацепился часами за перила. Перила оказались крепкими и выдержали японскую продукцию».

«Катерина, хочешь послушать 1930-ю серию?»

Телефильм «Швейк во Второй мировой войне» (1968 год)

«Живые и мертвые»

— Очень хочется все же на прощание послушать отрывок из нетленного романа о зайцах.

— Пожалуйста! Устраивайтесь поудобнее. Я вам зачитаю краткое содержание 1930-й серии, над которой сейчас работаю: «Мексика. Издалека долго течет река Конго. Простые, до боли знакомые и любимые до слез наши девчужки Иден, Антонелла, Мануэла и просто Мария прогуливаются вдоль берега реки. Внезапно звучит гром среди ясного неба, река разливается, и они начинают тонуть. Группа зайцев скачет на фазенду дона Мазая с этим известием. Все грузятся в лодку и мчатся спасать девушек. Выходит солнце. По реке Конго плывет лодка: на носу — дон Мазай, посередине — девчужки плачут от радости, на корме — зайцы от радости же скачут...».

— Наверное, этот сериал долгими зимними вечерами читаете своей дочке?

— Вообще-то, хоть дочка моя, Катерина, и живет по соседству, буквально выше этажом, но она не частый гость у нас. Все свое время отдает работе на радио и телевидении, зато нам с женой отдает внучку. Вот Соня — и мой слушатель, и друг, и даже партнер. Мы с ней уже выступали вместе в «Бомонде» и «Голубом огоньке». Сейчас она учится в седьмом классе, но, когда закончит школу, отправится в артистки. Как дед.

Ирина Зайчик
Фото Виктора Горячева

